

«Прости, что мы воевали с тобой...»

Известия — 2003 — 4 апр. — с 1, 11.

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Акбири — псевдоним.

— Я не могу подписать книгу своим именем, — говорит Акбири. — У чеченцев не принято жаловаться.

Фотографироваться Акбири тоже постеснялся:

— Засмеют.

«Когда началась первая война, мне уже исполнилось 18 лет. Но я смотрел на нее как ребенок. Пролетает, например, самолет, а я думаю: вот, я увидел самолет, расскажу об этом друзьям. Воевать я не пошел. Не было у меня тогда ни понятия, ни духа».

К двадцати трем годам и дух, и понятие у Акбири появились, и он устроился бойцом-водителем в чеченский ОМОН. Чуть не погиб там.

«Машина, которая ехала нам навстречу, вдруг остановилась. Вышел человек, встал на одно колено и прицелился в наш «уазик» из гранатомета. Вот, пожалуйста, подумал я, так и умирают люди за секунду. Я вспомнил о сестре. Как тяжело ей будет в этой жизни без моей помощи. И никто не посмотрит в ее сторону. Потому что несчастный человек не нужен никому. Я выскочил из «уазика». Две пули вонзились мне в ногу. Я попыпался убежать, третья пуля попала в бедро. Я упал. Рядом разорвалась граната, четыре осколка попали в меня. Лежу и думаю, неужели выжил».

Открытый перелом

«Моя сестра плачет на чужих похоронах. Приходит домой, рассказывает про семью умершего. Переживает, как они теперь будут одни. Моя сестра такая же, как я.

Моя сестра в жизни сделала один неверный шаг — вышла замуж по наивной любви. Я знал, что ее

жених наркоман, но не помешал свадьбе, потому что она любила этого человека. Они прожили год. Однажды муж пришел домой и сказал моей сестре: «Вынеси воду моему другу, который стоит у ворот». Она вышла на улицу и увидела девушку. Сестра вылила на нее эту воду и вернулась в дом. «Ты напоила моего друга?» — спросил муж. Сестра ответила: «Да». Когда он увидел облитую любовницу, то избил мою сестру. Она месяц лежала в больнице, потеряла ребенка. А я об этом не знал. Мне не давали знать, потому что я бы убил этого человека.

Когда я узнал, что мою сестру избил муж, я пришел к ним. Зятя дома не было. Он прятался от меня. Я сказал своей сестре: «Пожалуйста, сделай развод». Она удивилась. Она думала, что я не разрешу ей бросить мужа. В Чечне развод считается постыдным. Если женщина уходит от мужа, то позор ложится не только на нее, но и на ее родственников. Сестра хотела сберечь мою честь. Но я ей сказал: «Ничего страшного. Пошли домой». Она послушалась, потому что женщина не может перечить мужчине.

Бывшего зятя я встретил случайно. Я ехал на машине, а он стоял на дороге и голосовал. Я надвинул на глаза кепку, чтобы он меня не узнал. Отвез его в безлюдное место и начал бить. Я бы убил его, но нас увидели люди. Они меня остановили. Я отомстил за свою сестру, но боль в душе осталась. Я хотел, чтобы у моей сестры была жизнь, я мечтал о племяннике. И если мне так больно, то что творится на сердце у моей сестры».

— В этом отрывке не все правда, — говорит Акбири. — Я написал, что меня оттащили, не дали убить зятя. На самом деле все было гораздо жестче.

— Ты его убил?

— Нет, но сломал ему ногу. Открытый перелом.

— А почему ты об этом не написал?

— Люди, которые не чувствуют чужой боли, любят читать про всякие увечья. Из всего, что я написал, они бы запомнили только то, что я сломал ему ногу. А дело совсем не в ноге.

На обочине

«Любовь — это не постель. Каждая буква в этом слове — кусочек жизни. Сейчас любовь вывернули наизнанку, вытащили ее на показ. Люди как звери. А любовь — это скрытная жизнь двух людей. Никто не должен знать, как я люблю свою жену».

Жены у Акбири нет. История любви на бумаге не сохранилась. Или Акбири не захотел мне ее показывать.

— Я увидел ее, когда она набирала воду из колонки, — вспоминает Акбири. — Пригляделся — красивая. Шутя завел разговор с сестрой: мол, нельзя ли эту девушку за меня посватать? Потом мы познакомились. Я спросил у нее: «Могу ли я приезжать иногда, чтобы тебя увидеть? А будущее мы с тобой сможем построить, если суждено?» В книге у меня все дословно было записано. Что я ей сказал, что она мне ответила, что я при этом почувствовал. Эта глава писалась с 1996 по 2000 год. Девушка дала мне перстень. Это по нашим обычаям как помолвка. Перстень — доказательство для стариков. А тем временем ее мать навела обо мне справки. И решила, что я не гожусь в мужья. У него, сказала она, ни отца, ни матери. У него дом разбит. У него сестра разведенная. И я вернул перстень. Это означает отказ от

невесты. Честно говоря, я хотел ее проверить, а она взяла и через месяц вышла замуж за другого.

Акбири до сих пор не женат. И страдает от этого.

— Одиночество чем хорошо? Плачешь — себе, смеешься — себе. Но если поделишься с кем-то своей бедой, не сохранишь ее, то в душе возникает пустота. Даже если человек почувствует твою боль, он все равно раскидает ее в своих мыслях. Если бы я встретил свою половину, то стал бы нормальным человеком. Избавился бы от всех своих чувств. Просто жил. Я очень хочу иметь детей. Клянусь, я во сне их вижу. Я бы ушел из ОМОНа, ушел из-под пули, только чтоб мои дети не стали сиротами.

«Богатые увозят своих детей из Чечни. В Махачкалу, Ростов, Москву. Они хотят, чтобы их дети росли в мире и получили хорошее образование. А дети бедняков остаются здесь. Они не узнали того, что должны были знать, но увидели то, чего не должны были видеть. Когда по селу проезжает бэтээр, дети бедняков стоят на обочине и кричат: «Аллах акбар!» Править Чечней будут дети богатых, которые вернутся сюда после своих институтов. А дети бедных так и будут стоять на обочине и кричать вслед бэтээрам.

Старики как пришельцы из будущего. Они знают то, чего не знаем мы, — что бывает в конце жизни. Мне нравятся старики. Красивые, бородатые, чистые. Мне нравится им помогать, выслушивать их советы. Раньше, когда старик стоял на дороге, ни одна машина не проезжала мимо. Каждый останавливался и спрашивал, куда вас отвезти. А теперь они стоят на обочине, а машины их пылят. Кто их пылит? Люди в галстуках, которые учились в Махачкале, Ростове, Москве».

Кровь, хлеб и слезы

«Настоящая боль никогда не проходит. Представьте две надписи — одну на песке, другую на камне. Настоящая та, что выбита на камне. Если боль приходит от Бога, то это судьба, а если от людей — несправедливость. Если убьют моего друга, я тоже могу, не разобравшись, убить невиновного. А могу поступить иначе. Похоронить своего друга, найти того, кто его убил, и отдать его под суд. И зло, и добро творят умные, развитые, образованные люди. Глупые ничего не могут создать. Когда один умный встречает десять дураков, он делает так, чтобы они работали на него».

— Я пишу только ночью, — говорит Акбири. — А днем собираю материал. Вот сегодня напишу о том, как мой друг меня мучил. Сказал, что теперь я в его подчинении и он не позволит мне ездить за сигаретами на казенной машине. Еще напишу о том, как боевики переговаривались по рации с федералами. Обещали друг друга убить. О тебе тоже напишу. Как ты целый день работал, печатал что-то на компьютере, звонил в Москву, ругался со своими начальниками. И все ради того, чтобы какой-нибудь босс просмотрел утром газету, отбросил ее и приказал секретарше сварить ему кофе.

«Родник выходит из камня. Но потом он течет везде. Может попасть в дорожную колею, в лужу, в любое болото. Но всегда останется родником. Человек должен оставаться человеком, даже если он разбогател. Люди ведь все одинаковые — и богатые, и бедные. В больнице кровь какого-нибудь бомжа может подойти богатому человеку. И у него заберут эту кровь за бутылку водки. Бомж удовлетворится ма-

лым и не узнает, какое великое дело он сотворил. Но самое страшное, что и этот богач, и врачи посчитают, что так оно и должно быть. Одному нужна кровь, а другой обойдется водкой. Денег без слез не бывает. Чтобы кто-то один поднялся вверх, тысячи людей должны страдать. Поэтому богатые должны сами искать тех, кто нуждается в помощи. Если дать бедному человеку денег, то он купит хлеб у другого бедного человека. И жизнь продолжится. А если у бедного не будет денег, то он ничего не сможет купить. И сам останется без хлеба, и хлеб сгниет. Так прерывается течение жизни. Время идет, а жизнь останавливается. И мы уничтожаем сами себя».

— Если ты будешь писать обо мне, сделай так, чтобы надо мной не смеялись, — просит Акбири. — Твои друзья послушают наш разговор и скажут: вот колхозник чеченский мозги тебе пудрил, умничал о своем колхозе. Скажи им, что я только семь классов окончил. Что я ни одной книжки не прочел, ни у кого ничего не спрашивал, всему научился от жизни. Скажи им что угодно, только пусть они не смеются.

P.S. «В Москве сняли фильм про чеченскую войну. Там боевики нападают на федералов, взрывают их, режут. А потом федералы нападают на боевиков, тоже убивают их. Такие фильмы только умножают зло. Я бы снял по-другому. Про двух врагов — чеченца и русского. Вот они встречаются, и русский говорит: «Эй, чеченец, извини, что мы воевали с тобой. Давай помиримся». А чеченец в ответ: «И ты меня, русский, прости». И они приходят к мирному соглашению. И война заканчивается. Почему бы не снять такой фильм?»

Чечня